

О любви

ПРЕКРАСНОЙ
И ВЕЧНОЙ

ЭРИК
СИГАЛ

МУЖЧИНА,
ЖЕНЩИНА,
РЕБЕНОК

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С34

Erich Segal
MAN, WOMAN AND CHILD
© Karen Segal 1980

Перевод с английского *И. Гюббенет*
Художественное оформление *С. Власова*

Сигал, Эрик.
С34 Мужчина, женщина, ребенок / Эрик Сигал ;
[пер. с англ. И. В. Гюббенет]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2015. — 256 с. — (О любви — прекрасной
и вечной).

ISBN 978-5-699-83381-8

У Боба Беквита, преуспевающего профессора пре-
стижного института, замечательная семья: любимая жена
Шейла и две дочери. Но маленькая ошибка, сделанная им в
прошлом, грозит разрушить семейную идиллию. Боб узнает,
что у него есть девятилетний сын Жан-Клод. Мать мальчика
умерла, и его необходимо приютить на какое-то время. Боб в
ужасе. Хватит ли у него смелости признаться жене в измене,
пусть даже столь давней, и привести в дом ребенка, чье при-
сутствие взорвет их уютный мир?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© И. Гюббенет, перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015
ISBN 978-5-699-83381-8

Моей любимой Карен

Кто найдет добродетельную жену?
Цена ей выше жемчугов.

Книга Притчей Соломоновых. 31.10

Все вдребезги, а сердцевина прах...
Идут ко дну невинные обряды...

В. Б. Йейтс. Второе пришествие

1

— У меня для вас важное сообщение, доктор Беквит.

— Сейчас я занят. Могу я вам перезвонить?

— Видите ли, профессор, я бы предпочел поговорить с вами лично.

«Срочный» телефонный звонок застал Роберта Беквита на заседании кафедры, последнем в этом семестре. Звонили из французского консульства.

— Вы сможете приехать в Бостон до пяти часов? — спросил консульский сотрудник.

— Сейчас уже половина пятого, — сказал Боб.

— Я вас подожду.

— Это настолько важно?

— Да, я так полагаю.

Сильно озадаченный Боб вернулся на заседание, где его ожидали пятеро других старших преподавателей кафедры статистики Массачусетского технологического института. Упомянув о незначительности вопросов на повестке дня по сравнению с прекрасной погодой, он предло-

жил отложить обсуждение до осени. Однако, как обычно, нашелся один возражающий.

— Должен сказать, Беквит, это довольно непрофессионально, — ворчливо заметил П. Герберт Харрисон.

— Давайте проголосуем, — предложил Боб. Пятеро против одного были за каникулы.

Боб поспешил к своей машине и начал пробираться сквозь напряженное в этот час пик движение. Поскольку двигался он медленнее, чем мелькавшие мимо бегуны трусцой, у мужчины было много времени поразмыслить, что же это могло быть за срочное дело. Чем дольше профессор думал, тем больше казалось, что это могло означать только одно — ему дадут Орден почетного легиона.

Это отнюдь не так уж невероятно, говорил Беквит себе. В конце концов, я много раз читал лекции во Франции — в том числе дважды в Сорбонне. Черт возьми, у меня даже машина «Пежо».

Ну конечно, об этом и речь. У меня на лацкане появится маленькое украшение. Мне, быть может, придется даже носить пиджак. Кому какое дело? Зависть на некоторых физиономиях того стоит. Зато как будут довольны Шила и девочки.

— Сообщение пришло к нам по факсу, — сообщил месье Бертран Пеллетье, как только Боб уселся в его элегантном, с высоким потол-

ком, кабинете. Бертран держал в руке узенький листок бумаги.

Вот оно, подумал Боб. Награда. Мужчина постарался не улыбнуться раньше времени.

— Доктора Беквита из Массачусетского технологического института просят немедленно связаться с месье Венарге в Сетэ. — Он вручил Бобу бумажку.

— Сетэ? — повторил Боб, подумав, о нет, этого не может быть.

— Очаровательная маленькая деревушка. Вы знаете юг Франции?

— Мм-м — да. — Боб еще больше встревожился, заметив на лице вице-консула несколько серьезное и важное выражение.

— Месье Пеллетье, в чем дело?

— Мне только что сообщили, что речь идет о покойной Николь Геран.

Боже, Николь. Это было так давно, так хорошо скрыто. Беквит уже почти убедил себя, что ничего этого не было. Это единственная его неверность за все годы супружества.

Но почему теперь? Почему после всех этих лет? Разве не сама она настояла, чтобы никогда больше не встречаться, не вступать в контакт друг с другом? Однако...

— Месье Пеллетье, вы сказали покойной Николь Геран? Она умерла?

Вице-консул кивнул.

— Сожалею, но подробности мне неизвестны. Мне очень жаль, доктор Беквит.

Знает ли он еще что-нибудь?

— А кто этот человек, с которым меня просят связаться?

Вице-консул пожал плечами. В переводе с французского это значило, что он не знает и не интересуется.

— Могу я принести свои соболезнования, доктор Беквит?

Боб понял намек.

— Благодарю вас, месье Пеллетье.

— Не стоит благодарности.

Они обменялись рукопожатием.

Нетвердыми шагами Боб вышел на Коммуноуэлс-авеню. Он припарковался как раз возле отеля «Ритц». Не зайти ли ему в бар и не выпить для храбрости? Нет, лучше сначала позвонить, но не с улицы.

В коридоре стояла тишина. Казалось, что все уже разъехались на лето. Беквит закрыл дверь, сел за свой стол и набрал французский номер.

— Алло? — прохрипел сонный голос с сильным провансальским акцентом.

— Это ... это Роберт Беквит. Могу я поговорить с месье Венарге?

— Бобби — это я, Луи! Наконец-то я тебя нашел. Ну и задачка это была...

Даже после всех этих лет голос был вполне узнаваем. Хрипота от миллионов выкуренных сигарет «Голуаз».

— Луи — мэр?

— Экс-мэр. Можешь себе представить? Меня выставили на пастбище на подножный корм, как какого-нибудь динозавра. Городской совет...

Находясь в напряжении, Боб не был склонен выслушивать длинные истории.

— Луи, что такое с Николь?

— О Бобби, это такая трагедия. Пять дней назад. Лобовое столкновение. Она возвращалась со срочного вызова. Весь город в трауре...

— О, мне очень жаль.

— Можешь вообразить себе? Она была так молода. Безгрешная, святая. Весь медицинский факультет из Монпелье присутствовал на заупокойной службе. Ты знаешь, Бобби, она не выносила религию, но мы сочли своим долгом...

Луи остановился, чтобы перевести дух, и Боб воспользовался этой возможностью.

— Это ужасное известие. Но я не понимаю, почему ты хотел, чтобы я тебе позвонил. Я хочу сказать, последний раз я видел ее десять лет назад.

Неожиданно наступило молчание. Потом Луи сказал почти что шепотом:

— Из-за ребенка.

— Ребенка? Николь была замужем?

— Нет, нет. Конечно, нет. Она была, как говорится, «мать-одиночка». Она одна растила мальчика.

— Но я все же не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, — сказал Боб.

— Видишь ли, Бобби, я не знаю, как это сказать...

— Скажи!

— Это ведь и твой ребенок тоже, — сказал Луи Венарге.

По обе стороны Атлантики на мгновение воцарилось молчание. Пораженный профессор лишился дара речи.

— Бобби, ты слушаешь? Алло?

— Что?

— Я знаю, ты, наверно, поражен этим известием.

— Нет, Луи, я не поражен. Я просто не верю, — отвечал Боб, которому гнев вернул дар речи.

— Но это правда. Она полностью мне доверяла.

— Но какого черта ты так уверен, что отец ребенка — я?

— Бобби, — проговорил Луи, — ты был здесь в мае. Ты помнишь демонстрации? Мальчик родился, как говорится, в положенное время. У Николь тогда никого другого не было. Она бы мне сказала. Конечно, она не хотела, чтобы ты знал.

Господи, думал Боб, это невероятно.

— Черт возьми, Луи, даже если это правда, я не ответственен за...

— Успокойся, Бобби. Никто не говорит о твоей ответственности. Жан-Клод вполне обе-

спечен. Поверь мне, я душеприказчик. — Помолчав, он добавил: — Есть только одна маленькая проблема.

Боб содрогнулся.

— Какая?

— У мальчика никого нет. У Николь не было семьи. Он совсем один на свете.

Беквит не отвечал. Он все еще старался понять, к чему клонится этот разговор.

— При обычных условиях мы бы взяли его к себе, Мари-Тереза и я... — Луи помолчал. — Мы его опекуны. Но она больна, Боб, серьезно больна. Ей мало осталось жить.

— Мне очень жаль, — мягко вставил Роберт.

— Что я могу сказать? Наш медовый месяц длился сорок лет. Но ты понимаешь, почему теперь это невозможно. Если мы не найдем какую-то альтернативу — и причем быстро, — мальчика заберут в приют.

Беквит, наконец, почувствовал, к чему идет дело. Его гнев и страх нарастали с каждым вздохом.

— Ребенок безутешен, — продолжал Венарге. — Его горе так велико, что он даже не может плакать. Он просто сидит там.

— Переходи к делу, — сказал Боб.

Луи колебался.

— Я хочу сказать ему.

— Сказать ему что?

— Что ты существуешь.

— Нет! Ты с ума сошел? Как это может ему помочь?

— Я просто хочу, чтобы мальчик знал, что где-то в мире у него есть отец.

— Луи, бога ради! Я женат, у меня две маленькие дочери. Послушай, мне правда очень жаль Николь. Мне жаль мальчика. Но я отказываюсь вмешиваться. Я не обижу свою семью. Я не могу и не хочу. И это мое окончательное решение.

Последовала еще одна пауза. Или, по крайней мере, десять секунд невербального общения.

— Ладно, — сказал, наконец, Луи. — Я не стану тебя больше беспокоить. Но я должен признаться, я очень разочарован.

Ну и черт с тобой.

— Спокойной ночи, Луи.

Еще одна пауза, дающая возможность Беквиту передумать, а затем — полная капитуляция.

— Прощай, Бобби, — пробормотал Луи и повесил трубку.

Профессор положил трубку и опустил голову на руки. Было слишком трудно воспринять все это сразу. После стольких лет Николь Геран вернулась в его жизнь. Как могла их краткая связь привести к появлению на свет ребенка? Сына?

О боже, что мне делать?

— Добрый вечер, профессор.

Вздрагнув, Боб поднял голову.

Это была Лайла Коулман, ежедневно убиравшая помещение.

— Как поживаете, миссис Коулман?

— Не так уж плохо. А как ваша статистика?

— Недурно.

— Не попадались ли вам какие-нибудь счастливые числа? Надо платить за квартиру, а мне последнее время не везет.

— Сожалею, миссис Коулман. Мне самому не очень-то везет.

— Что же, профессор, как говорится, не уверен — не играй. Во всяком случае, такая у меня философия. Надо доверять своему чутью.

Женщина вытряхнула мусорную корзину и махнула тряпкой по столу.

— Ну, я пошла, профессор. Хорошего вам лета. И дайте отдохнуть своим мозгам.

Лайла вышла, бесшумно закрыв за собой дверь. Но что-то, сказанное ею, осталось у него в памяти. Доверяй своему чутью. Совершенно непрофессионально, но очень по-человечески.

Беквит надолго застыл на месте, глядя на телефон, в коридоре давно уже затихли шаги миссис Коулман. Внутри у мужчины шла отчаянная борьба ума с сердцем. Не дури, Боб. Не рискуй своей семейной жизнью. Ничто этого не стоит. Кто знает, правда ли это? Забудь про это.

Забывать?

Повинуясь так и не подавленному инстинкту,